

**Уважаемая Гульмира Истайбековна!
Уважаемые коллеги!**

«...только труд может обеспечить всем казахстанцам благосостояние и достижение нового качества жизни».

Эти слова Главы государства - целевой ориентир для государственной программы, которая призвана обеспечить важнейшие структурные изменения в экономике за счет **продуктивной занятости**.

Эксперты ОЭСР говорят, что только **интегрированные в систему экономических отношений** программы, оказывают существенное влияние на **реальное** вовлечение населения в трудовые отношения.

Министр в своем докладе сказала о положительной динамике основных показателей рынка труда – это общая численность занятых, прирост числа наемных работников, снижение количества безработных и самозанятого населения.

Данные, конечно, впечатляют, но важен вопрос об **оценке прямого влияния Дорожной карты занятости** на достижение этих показателей.

С 2011 по 2016 гг. из бюджета и Нацфонда на реализацию ДКЗ было выделено **458,3 млрд. тенге**. Это огромные средства, средства, которые должны были напрямую повлиять на рост производительности труда.

Поэтому перед перезагрузкой Программы необходимо видеть **полную, объективную ее картину** - реальные и перспективные потребности экономики в специалистах, соответствие участников программы этим потребностям и оценка реального вклада участников программы в экономику.

Основной **проблемный** вопрос – это отсутствие комплексных подходов по мониторингу текущих и перспективных потребностей рынка труда в кадрах. В Общенациональной базе данных с марта 2015 г. были исключены пункты по краткосрочному прогнозу потребности в трудовых ресурсах в разрезе конкретных специальностей и населенных пунктов и среднесрочному прогнозу потребности в разрезе групп специальностей и областей. Имеющаяся информационная база данных с вакансиями – не позволяет в полной мере учитывать приоритетные отраслевые потребности в кадрах.

Кроме того, не измеряется **степень** влияния ДКЗ на занятость. Ведь индикаторы по занятости есть в 5 из 8 государственных программ, в частности, в «Нурлы жол», ГП ИИР, «Дорожной карте бизнеса – 2020», «Агробизнес – 2020», Развития регионов. Поэтому показатели результатов госпрограмм дублируются. И отчеты местных исполнительных органов могут содержать ошибки вследствие отсутствия единого порядка формирования базы данных. Счетный комитет, кстати, выявлял эти ошибки.

Отсутствует детальная регламентация взаимодействия и координации всех госорганов, ответственных за реализацию Программы.

К примеру, одной из задач ДКЗ является развитие кадрового потенциала для реализации ГП ИИР. Для реализации инвестиционных проектов, предусмотренных в ГПИИР необходим документ, определяющий стратегию развития кадров, взаимоувязанного по отраслям экономики и подготовки в необходимом количестве.

Конечным показателем бюджетной программы по ДКЗ является только достижение **охвата** участников программы. Этот показатель достаточно формален и не дает информации о **реализованном статусе участников**.

Нужен постоянный динамический анализ информации об участниках Программы в пенсионной системе. Министр отметила, что есть несовпадения в количестве трудоустроенных участников и их пенсионных начислений. Так вот в Карагандинской области 40% трудоустроенных не имеют отчислений в пенсионной системе. Практически такая же ситуация в Актюбинской области (36%) и ВКО (33%). По регистрации в налоговых органах низкие показатели у ВКО, Атырауской и Павлодарской областей.

Не определен **обоснованный критерий** по закреплению участника на постоянное рабочее место. При подготовке отчетов центральный орган собирает данные у акиматов, те – у работодателей, Работодатели подают данные на определенный период. И критерии закрепления на рабочие места остаются без внимания.

У общества и депутатов всегда возникали вопросы как по эффективности отдельных направлений Программы, так и по механизмам реализации проектов.

В 2015 г. выделено более 37 млрд. тенге, 136 009 человек стали участниками программы. Но в целом достигнут охват **всего 5-6%** от целевой группы – безработных и самозанятых.

В 2016 г. денег на ДКЗ выделено **128 млрд. тенге!** 30% всего бюджета программы за 6 лет! При этом на 1 ноября 2016 г. пока участниками стали 110 765 человек из планируемых 146 тыс. человек. В предыдущие годы в 2014 г. было 151 580 участников, в 2015 г. – 142 264 человека. Охват – существенно не увеличивается, при этом на ДКЗ в текущем году выделено в 3,4 раза средств больше, чем в 2015 г. , значит и охват должен быть намного больше.

И в текущем году пока количество участников составляет примерно 6% от целевой группы почти в 2,5 млн. человек. Это совсем небольшой охват проблемной категории граждан, к тому же нет информации о прошлогоднем контингенте программ!

Безусловно, в период снижения экономики необходимо проводить политику сдерживания негативных процессов через антикризисные меры. Но при реализации программы есть и остаются проблемы системного характера. **Как отмечено в отчете Счетного Комитета в структуре денежных доходов населения доля поступлений от социальных трансфертов в 2015 году растет, а доходы от трудовой деятельности падают.**

Нет связи между проводимой политикой занятости с политикой государственных доходов, антиинфляционными мерами, политикой социального обеспечения в целом.

В период с 2011 по 2016 годы на организацию профессионального обучения, молодежной практики и создание социальных рабочих мест из республиканского бюджета выделено порядка 80 млрд. тенге. Ежегодно в среднем по статистике трудоустраиваются не более 75-80% проходивших обучение. В то же время, где остальные участники программы – не известно. Между тем, цена вопроса составляет грубо 16 млрд. тенге.

Из числа проходивших молодежную практику и трудоустроенных на социальные рабочие места на постоянную работу трудоустраиваются не более 65%. А «цена» одного временного рабочего места становится несоизмеримой по сравнению с заработной платой работника и его производительностью труда. Эти суммы составляют от 1,7 млн.тенге до 2,4 млн. тенге за временные и постоянные рабочие места, хотя указанные работники заняты трудом невысокой квалификации.

Если анализировать процессы реализации направлений Программы отдельно, то большинство проектов носят преимущественно антикризисный характер.

1-е направление (более 13 млрд. тенге – 2015 и 80 млрд. – 2016 г.) - проекты развития инфраструктуры и ЖКХ – это по сути решение локальных региональных проблем, которые в силу тех или иных обстоятельств не решали акимы. Большая часть тех граждан, кто принимает участие в инфраструктурных проектах, после завершения работ вновь уходят в «тень», или опять пополняют ряды безработных из – за временного характера проведения строительно-монтажных работ – 6-8 месяцев.

И сейчас это направление сделало Программу чрезвычайно громоздкой. Только в текущем году доля расходов на это направление составляет более 62% от общего объема выделенных средств. Это направление лишь **косвенно** связано с Программой занятости. Здесь, конечно же, и самая низкая степень трудоустройства.

3-е направление могло бы работать на развитие, если бы в его основе лежал принцип обучения специальностям, которые реально востребованы на рынке труда, а не для освоения средств бюджета. Так, например, роста численности занятых в сфере строительства, транспорта и водоснабжения в 2015 г. не произошло при общем росте занятого населения. Темп роста граждан в этих сферах был ниже темпа роста лиц, занятых в социальной сфере. Значит оперативный и среднесрочный прогноз потребности в трудовых ресурсах не сработал в полную меру.

Также коротко о компоненте – трудовая мобильность. Не понятен процент трудоустройства 78% трудоспособных переселенцев в текущем году. В этом проекте все переселенные **изначально** должны быть трудоустроены. В этом должна состоять логика проекта, заключающегося в персонифицированном подходе к переселяемым гражданам.

На местах также отмечается несоответствие вакансий, представленных работодателями, образовательному и квалификационному уровню безработных граждан, стоящих на учете в органах занятости. Это означает, что именно эта категория лиц нуждается в профподготовке и переподготовке. В 2016 г. по представленным данным чрезвычайно низки показатели трудоустройства и завершения обучения г. Алматы (18%), Атырауской и Мангистауской областей (23%).

А вот 2-е направление (стимулирование предпринимательской инициативы) – по своей природе интенсивный инструмент.

На микрокредитование в 2015 г. выделено 10,3 млрд тенге, охвачено 4,3 тыс. человек. При этом, ими создано 6,1 тыс. рабочих мест. За счет ранее выданных кредитов 1,6 тыс. участников программы получили кредиты на сумму 3,7 млрд. тенге. В 2016 г. – предусмотрено 30 млрд. тенге, почти в 3 раза больше. Планируется охватить занятостью 20,9 тыс. Показателем эффективности бюджетной программы в этом случае является средний размер микрокредита, показателем конечного результата является все тот же охват участников, обратившихся за микрокредитом!

Это реальный мультипликативный эффект. Но все же охват в условиях сокращения малого и среднего бизнеса, явно недостаточен. Да и на местах встречаются случаи не просто формального «освоения» денег, а безответственного административного вмешательства акиматов. *Так например, в Казахстанской правде от 1 ноября 2016 г. в статье «Откуда у бизнеса*

кредитная грусть» описываются случаи, когда жителей Зырянска – в акиматах слишком активно втягивали в госпрограммы. Предпринимателям открыто говорили, что конец года, деньги не освоены и запугивали. А в последующем, когда начались судебные процессы, разыскать некоторых участников стало проблематично. Находились люди, которые даже не подозревали, что на них висят долговые обязательства. Был случай, когда один человек по пяти чужим удостоверениям получил кредит. По данным акимата ВКО сумма невозврата по ДКЗ составляет с 2011 г. 400 млн. тенге.

На цели развития регионального предпринимательства выделяются средства из бюджета и в рамках других программ.

Например, в рамках реализации программы «Дорожная карта бизнеса – 2020» из общего числа лиц, кому была оказана государственная поддержка в АО «Фонд финансовой поддержки сельского хозяйства», свыше 30% лиц, получивших микрокредиты в сельской местности в 2014-2015 годах, не были зарегистрированы в налоговых органах, причем в отдельных регионах их число превышает 50% (в Актыбинской области 50% в 2014 году, в ЗКО – 60% в 2014 году, в Алматинской области – 51% в 2015 году).

В декабре прошлого года действующая программа была актуализирована с внедрением новых механизмов по сохранению рабочих мест и расширению занятости.

Между тем, в обзоре занятости, приведенном в Докладе Всемирного банка, отмечается, что некоторые программы на рынке труда не всегда дают однозначные результаты. Отмечается низкая эффективность программ по созданию дополнительных рабочих мест, по субсидированию рабочих мест на частных предприятиях. В текущем году был небольшой охват – всего 8 предприятий. Исследователи обращают внимание на встречающийся «эффект замещения», когда уже занятые работники замещаются безработными, рабочие места которых субсидируются, а также тот факт, что работодатели, используя государственные программы, нанимают безработных на те рабочие места, которые были бы заполнены в любом случае. Самое главное, что участники подобных программ оказывались неконкурентоспособными после окончания срока субсидируемой занятости. Поэтому необходимо анализировать и процесс вытеснения работников.

В завершение хотелось бы сказать о необходимости трансформирования направлений государственной политики занятости в аспекте интенсивного воспроизводства, развития производительности труда.

Считаем необходимым:

- Объединение или синхронизацию государственных и отраслевых программ по направлениям обеспечения производительной занятости с выработкой комплекса индикаторов, показателей эффективности программы;
- Создание регламента взаимодействия и координации государственных органов, ответственных за реализацию программ развития трудовых ресурсов;
- Формирование системных подходов по мониторингу текущих и перспективных прогнозов потребностей экономики в трудовых ресурсах.
- Приоритетное развитие направлений программ, имеющих мультипликативный эффект.